

Китайские добровольцы в Гражданской войне в России: между красными и белыми

Юйсинь Чжан, Руслан Гагкуев

Chinese Volunteers in the Russian Civil War:
between the Reds and the Whites

Yuy Sin' Chzhan (*Institute of World Economy and Politics,
Chinese Academy of Social Sciences, Beijing*),
Ruslan Gagkuev (*Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI

Участие китайских граждан в Гражданской войне (1917—1922) остаётся одной из наименее изученных тем российской историографии. В СССР она, как правило, рассматривалась в контексте общего вклада интернационалистов (военнопленных и рабочих из зарубежных стран) в победу большевиков. Всплеск интереса к этой тематике произошел в 1950—1960-х гг., когда в рамках празднования 40- и 50-летнего юбилеев Октября вышел ряд монографий¹ и сборников документов на эту тему². В современной историографии специальных исследований, посвящённых этому вопросу почти нет³, он рассматривается в рамках изучения жизни китайских мигрантов в Российской империи и Советском Союзе⁴. Между тем роль китайцев в Гражданской войне была значимой и требует тщательной оценки как её масштаба, так и влияния на противостояние сторон.

© 2019 г. Ю. Чжан, Р.Г. Гагкуев

¹ *Бабичев И.И.* Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960; *Интернационалисты в боях за власть Советов* / Под ред. М.А. Бирмана, А.Я. Манусевича, И.А. Хренова. М., 1965; *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов* / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1967; *Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918—1922)* / Отв. ред. и сост. Лю Юн-ань. М., 1961; *Ланно Д., Мельчин А.* Страницы великой дружбы: Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны в Советской России (1918—1922). М., 1959; *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. Л., 1959; и др.

² *Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)*. М., 1957; *Дружба, скреплённая кровью* (Сборник воспоминаний китайских товарищей — участников Октябрьской революции и гражданской войны в СССР) / Под ред. Лю Юн-аня. М., 1959; и др.

³ *Карпенко Н.М.* Китайский легион. Участие китайских добровольцев в революционных событиях на территории Украины (1917—1921 гг.). Луганск, 2007; см. также: *Пастухов А.* Куда ушёл наш китайчонок Линь? Китайская интервенция в Приморье и Приамурье, 1918—1921 гг. // Арсенал коллекция. 2017. № 2. С. 15—32.

⁴ *Каменских М.С.* Участие китайцев в Гражданской войне на Урале: факты и воспоминания // *Гражданская война на Востоке России: Материалы всероссийской научной конференции* (г. Пермь, 25—28 ноября 2008 г.). Пермь, 2008. С. 133—135; *Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб., 2011; *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.

Для оценки участия китайцев важно понимать, какое их количество прибыло в годы Первой мировой войны и сколько находилось в Европейской части, где активно шло формирование частей Красной армии. По справедливому замечанию Г. Новогрудского и А. Дунаевского, изучавших историю сформированного во Владикавказе в 1918 г. китайского батальона, «для того, чтобы в армию могли прийти десятки тысяч солдат, человеческие ресурсы должны исчисляться сотнями тысяч»⁵. Однако оценить «количество завербованных в Россию китайских рабочих можно... лишь приблизительно»⁶. Китайский исследователь Пын Мин на основе полученных из Советского Союза материалов писал о 200 тыс. китайцев, въехавших в Россию до октября 1917 г.⁷ Другой китайский исследователь, ссылаясь на архивные материалы Министерства иностранных дел Китая, написал о том, что лишь в 1907 г. во Владивосток приехали 60—70 тыс. китайцев⁸. Согласно сведениям уполномоченного китайского посольства по делам труда в России, в годы Первой мировой войны в нашу страну прибыло не менее 150 тыс. рабочих, из которых около 50 тыс. находились в прифронтовой полосе⁹. В.М. Устинов отмечал, что, «по неполным данным, в ходе вербовки в Россию было завезено 200—300 тыс. китайцев»¹⁰. На основе данных Союза китайских рабочих только за годы Первой мировой было ввезено около 60 тыс. человек¹¹. А.Г. Ларин опубликовал сведения, согласно которым с января 1915 по апрель 1917 г. по железной дороге было ввезено 159 972 китайцев¹². Н.М. Карпенко, оценивая общий ввоз трудовой силы к началу 1917 г., говорит об «около 300 тыс. китайских рабочих... не считая нелегальных китайских мигрантов из сопредельных с Россией южных государств и завезённых рабочих из Туркестана»¹³.

Очевидно, что количество китайцев в России к началу 1917 г. составляло не менее 200 тыс. человек. Из них существенная часть — не менее 50 тыс.¹⁴ — ввиду потребности в рабочей силе в промышленных регионах и прифронтовой полосе находилась в Европейской части страны. Китайцы работали на строительстве Мурманской железной дороги¹⁵, заводах Петрограда, Москвы, Екатеринбурга и других городов Урала, в шахтах Донецкого угольного бассейна, лесозаготовках в Белоруссии и Карелии и др.¹⁶ Интересно, что, хотя большинство оставались подданными Китая, часть мигрантов приняла российской

⁵ Новогрудский Г., Дунаевский А. Товарищи китайские бойцы. М., 1959. С. 15.

⁶ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 67.

⁷ Пын Мин. История советско-китайской дружбы. М., 1959. С. 96.

⁸ Ли Юнчан. Люй Э Хуагун Юй Шиюэ Гэмин. Шицзячжуан, 1986 [Ли Юнчан. Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. Шицзячжуан, 1986. С. 13].

⁹ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964. С. 356.

¹⁰ Устинов В.М. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918—1920) // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. С. 39.

¹¹ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран... С. 30. Здесь, очевидно, не учтены сезонные рабочие, прибывавшие летом на золотые прииски и другие предприятия Дальнего Востока.

¹² Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 67. При этом численность китайского населения в 1910 г. только на российском Дальнем Востоке оценивается в 200—250 тыс. человек (Там же. С. 26).

¹³ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 34.

¹⁴ Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 12.

¹⁵ Ляонин Шэн Даньган Гунь. Фэнтянь Цзаошэшу Даньган 1166. [Государственный архив провинции Ляонина, специальный фонд — «Архив Футяньского Департамента иностранных дел», д. 1166].

¹⁶ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 67.

гражданство, а некоторые в 1918 г. стали подданными РСФСР (что, впрочем, не помешало позднее большинству из них вернуться на родину).

Гражданская война поставила китайских рабочих в крайне тяжёлые условия. И без того получавшие ранее мизерную заработную плату (как правило, в разы меньше, чем у русских), они в большинстве случаев остались без работы и средств к существованию, поскольку трудовые контракты ввиду остановок производств не продлевались. По сути, мигранты представляли собой огромную трудовую армию, из которой можно было черпать ресурсы для начавшейся войны. «В точности по Марксу китайские рабочие в России» предстали как «в полном смысле слова пролетарии, которым нечего было терять, кроме своих цепей», и «оказались готовы идти в бой во имя лучшей жизни»¹⁷.

«Китайцы охотно вступали в ряды красноармейцев»¹⁸, на что имелось несколько причин. Прежде всего — необходимость заработка для пропитания себя и своих семей и дороги домой¹⁹. К осени 1918 г. через Сибирь вернулось около 40 тыс. китайцев²⁰. Однако с конца весны 1918 г. возвращение на родину по суше стало невозможным ввиду выступления Чехословацкого корпуса и последующего падения советской власти к востоку от Урала. С занятием северных и южных портов союзниками России по Антанте и войсками белых армий оказался заблокирован и морской путь²¹.

Другой важной причиной была необходимость защитить себя и своих близких. Война почти сразу показала уязвимость инородцев перед вооружёнными группировками. Избиения и расстрелы рабочих, во том числе на расовой почве, побуждали их объединяться. Китайцы «оказались в совершенно чужой, незнакомой среде, и военная служба стала единственной опорой их существования»²².

Ещё одна причина — «экспорт русской революции в Китай и надежда на обещанную помощь большевиков из России»²³. В начале декабря 1918 г. в Петрограде был создан Союз китайских рабочих, который возглавил революционер Лю Цзэжун. В организацию вступили 50 тыс. человек²⁴. Создание и деятельность Союза, а также коммунистическая агитация, «созвучность идей советской власти самым заветным чаяниям китайских бойцов-пролетариев», способствовали росту популярности среди них идей революции. Даже те, кто шёл «в армию из чисто материальных соображений, ради выживания, постепенно, как представляется, проникались революционными идеями»²⁵.

Вопрос о численности китайцев в рядах Красной армии требует дополнительного изучения. Сложность подсчёта затруднена как большим числом сформированных из них частей (по ряду которых не сохранилось никаких документов), так и наличием китайцев в интернациональных (не только китайских) батальонах, отрядах и других частях РККА. Согласно данным из китайских газет, на которые, как правило, ссылались советские исследователи²⁶, в 1919 г.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале... С. 124.

¹⁹ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 71.

²⁰ Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 44.

²¹ Устинов В.М. Китайские коммунистические организации... С. 48.

²² Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 88.

²³ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 68—69, 71.

²⁴ Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 43; Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 28.

²⁵ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 87.

²⁶ Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 51.

на стороне большевиков воевало 30—40 тыс. китайцев²⁷. Составители сборника «Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию» говорили о примерно 40—50 тыс.²⁸; оценка китайских дипломатов — порядка 60—70 тыс. человек²⁹. Н.М. Карпенко предпринял попытку оценить численность китайцев, воевавших на территории современной Украины. По его подсчётам, за 1917—1921 гг. она составила более 21 тыс. человек (с учётом резервов — 22—24 тыс.) — 25—30% от их общего числа в РККА. Большинство китайцев прибыло на Украину из других губерний бывшей Российской империи в составе отрядов красных³⁰.

Создание китайских интернациональных частей велось на добровольческой основе, что неизменно подчёркивалось в советской историографии³¹. Это, однако, не исключает возможности мобилизации отдельных групп китайцев. Притоку добровольцев способствовал ряд организационных мер партийного руководства и командования. К середине 1918 г. при Центральной федерации иностранных групп РКП(б) была создана Военная коллегия по формированию интернациональных частей РККА. В июне Народный комиссариат по военным и морским делам учредил Комиссию по формированию интернациональных групп Рабоче-крестьянской Красной армии при ВЦИК. В августе в Москве организован штаб по формированию китайских отрядов. Его уполномоченные имелись во всех городах, где проживали китайцы, и входили в состав местных военных комиссариатов. Комиссаром по формированию китайских отрядов был назначен Шеен Чен-хо, командовавший в конце 1917 г. китайским отрядом Красной гвардии³². В марте 1919 г. приказом Реввоенсовета Комиссия по формированию интернациональных групп РККА была преобразована в Управление по формированию Интернациональной Красной армии, расположенное в Нижнем Новгороде. Весной 1920 г. Всероссийский штаб формирования китайских отрядов интернационалистов перевели из Москвы в Иркутск³³. С июня того же года формированием китайских частей стало заниматься Центральное организационное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б)³⁴.

Формирование китайских частей началось в первые месяцы 1918 г. Первые появились почти одновременно в Приднестровье, Одессе, Донбассе и на Северном Кавказе. «Таких отрядов было много. Они входили в разное время в различные соединения Красной армии»³⁵. Наиболее известны формирования китайцев в Тирасполе, Владикавказе и на Восточном фронте. Тираспольский китайский добровольческий отряд (батальон) стал, вероятно, первым из таких. Им командовал коммунист Сан Фу-ян, а численность составляла около 450 штыков³⁶. Весной 1918 г. отряд совершил поход Тирасполь—Воронеж в составе Тираспольского отряда РККА. Во Владикавказе Китайский интернациональный отряд (позднее — батальон) был сформирован при Военном комис-

²⁷ Пын Мин. История советско-китайской дружбы. С. 96; Устинов В.М. Китайские коммунистические организации... С. 49.

²⁸ Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 3.

²⁹ Ларин А. Красноармейцы из Поднебесной // Родина. 2000. № 7. С. 56—60.

³⁰ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 319.

³¹ Устинов В.М. Китайские коммунистические организации... С. 48, 51.

³² Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 40; Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 47; Устинов В.М. Китайские коммунистические организации... С. 49.

³³ Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 127.

³⁴ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран... С. 580—581.

³⁵ Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 69.

³⁶ Там же. С. 42.

сариате Совнаркома Терской республики. Его составили 80 человек во главе с Лю Си. К лету его численность достигла 500 штыков, новым командиром стал Пау Ти-сан. Позднее в состав батальона вошла китайская рота 4-го Днепровского полка³⁷. «“Маленький батальон из китайцев” представлял собой в те дни на Тереке основную опору советской власти»³⁸. Владикавказский китайский батальон, отступавший в Астрахань в составе 11-й армии РККА, пришёл туда, имея 150 штыков³⁹.

Отдельного внимания заслуживают формирования из китайцев на Восточном фронте. Так, были сформированы сначала рота, а затем батальон в составе 1-го Крестьянского коммунистического стрелкового полка красных орлов (позднее — 253-й стрелковый полк красных орлов) в Ирбите. Полк получил известность осенью 1918 г. в боях под Режью при подавлении выступления перешедшего на сторону белых 254-го стрелкового Волынского полка 29-й стрелковой дивизии⁴⁰.

Одним из крупнейших формирований из китайцев в годы войны стал 225-й стрелковый Китайский полк 29-й стрелковой дивизии 3-й армии РККА, созданный в октябре 1918 г. Его составили отряды (батальоны) Алапаевска, Надеждинска и Перми, а также китайцы из отрядов южно-уральских рабочих. Организатором полка стал Жен Фу-чен — бывший уполномоченный по делам китайских рабочих в Пермской и Вятской губерниях. В ноябре полк понёс большие потери во время боёв в районе станции Выя, а его командир погиб. Остатки полка были сведены в роту⁴¹.

Роль и значение китайских частей были различны. По замечанию бывшего красноармейца Лю Юн-аня, «не было такого фронта, где бы не сражались китайские добровольцы. Они также принимали активное участие в борьбе с бандитизмом и контрреволюцией в тылу. Китайцы вместе с русскими братьями уничтожали вооружённые банды Петлюры и Махно, служили в органах Всероссийской чрезвычайной комиссии»⁴². В сравнении с численностью белых армий их количество — порядка 50 тыс. человек — было внушительным. Например, численность одной из наиболее боеспособных белых армий — Добровольческой — в момент решающих боёв в октябре 1919 г. составляла всего чуть более 20 тыс. человек⁴³. Вместе с тем сказать, что китайцы имели большой вес в общем составе красных войск, нельзя⁴⁴. Они были рассеяны на фронтах в многочисленных мелких отрядах (включая партизанские) и формированиях и никогда единовременно не достигали численности более 2—3 тыс.

³⁷ Там же. С. 85—89; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 62; *Елекоев Г.* О совместной борьбе китайских добровольцев и осетинских коммунистов за советскую власть // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. С. 121; *Понятовский И.И.* Китайские красногвардейцы в революционных боях на Северном Кавказе // Там же. С. 54—55.

³⁸ *Новогрудский Г., Дунаевский А.* Товарищи китайские бойцы. С. 92.

³⁹ *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 92.

⁴⁰ Там же. С. 113—116.

⁴¹ *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 63—64; *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран...* С. 96, 588; *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 116—123.

⁴² Дружба, скреплённая кровью... С. 6.

⁴³ РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 35, л. 145—166.

⁴⁴ К концу октября 1918 г. численность Красной армии составляла уже почти 800 тыс., а к 1 января 1920 г. — 3 млн человек (Военный энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 357—358).

Боевая ценность частей из китайцев заключалась не в их большой суммарной численности, а в возможности для командования опереться на них в моменты кризисов на фронте и в тылу, использовать для подавления восстаний и «борьбы с контрреволюцией». «Роль интернационалистов повышалась каждый раз, когда возникали кризисные явления на тех или иных фронтах, что требовало неоднократной переброски таких частей»⁴⁵. Китайцы были едва ли не самыми зависимыми от большевиков бойцами. Дезертировать им было некуда, затеряться среди населения — невозможно, перейти на сторону противника — опасно. Сказывались также фактор снабжения и активная пропаганда, делавшая из многих китайцев убеждённых бойцов за советскую власть. Окружённые враждебной обстановкой и не слишком разбиравшиеся в течениях российской междоусобицы, китайцы превратились в надёжную опору красных.

Но воевали они и против РККА. Лю Юн-ань писал: «Казалось бы, материальная заинтересованность должна была привести китайских рабочих в белогвардейские части и к иностранным интервентам, которые щедро платили своим наемникам. Тем не менее китайские рабочие не пошли к ним. Во время гражданской войны ни один из китайцев, которые приехали на работу в Россию, не воевал на стороне белых»⁴⁶. Однако это не так. Ещё до начала Первого Кубанского похода Добровольческой армии в январе—феврале 1918 г. в Ростове-на-Дону в составе отряда войскового старшины Э.Ф. Семилетова был сформирован китайский отряд. Его командира, сотника О.М. Хопёрского, ещё в детстве вывезли из Маньчжурии казаки, и он воспитывался на Дону⁴⁷. Во время Степного похода из Донского отряда походного атамана генерал-майора П.Х. Попова было уволено около 50 человек — китайцев из отряда Хопёрского⁴⁸. В конце июля одна из наиболее известных частей Добровольческой армии — 1-й Марковский полк — пополнилась и пленными китайцами-«интернационалистами», воевавшими, по собственному признанию, «за родную Кубань»⁴⁹. В августе 1919 г. в числе рядовых, переведённых из состава Марковского полка в полк Алексеевский, были два пленных китайца⁵⁰. В воспоминаниях о белом Крыме военный прокурор Донской армии И.М. Калинин упомянул о китайце в другом знаковом добровольческом полку — Корниловском ударном⁵¹.

Китайцы находились в составе белых частей и на Восточном фронте. Бывший Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, находясь под арестом в Иркутске, на допросе 28 января 1920 г. перечислял воинские части, располагавшиеся весной 1918 г. в Харбине, и упомянул в числе прочих отряд полковника Маковкина, состоявший из китайских добровольцев: «Это была небольшая часть, в которой было человек 400... отряд предполагали для охра-

⁴⁵ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 310.

⁴⁶ Дружба, скреплённая кровью... С. 24.

⁴⁷ Гуль Р.Б. Ледяной поход // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. Кн. 2. Ледяной поход / Сост., науч. ред. и коммент. С.В. Карпенко. М., 1993. С. 246—247; Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 332; Казанович Б.И. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова // В память 1-го Кубанского похода / Под ред. Б.И. Казановича, И.К. Кириенко, К.Н. Николаева. Белград, 1926. С. 56.

⁴⁸ Падалкин А.П. Степной поход и начало казачьих восстаний на Дону // Родимый край (Париж; Монморанси). 1969. № 80—81. С. 45.

⁴⁹ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. / [Сост. В.Е. Павлов]. Кн. 1. Париж, 1962. С. 301.

⁵⁰ РГВА, ф. 39689, оп. 1, д. 12, л. 128—133.

⁵¹ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля // Белое дело. Кн. 12. М., 2003. С. 125.

ны дороги, потому что на китайцев смотрели так, что они вообще драться не будут, и на них надеяться нельзя. На них смотрели, как на средство изъятия русских от охраны железной дороги, и считали, что они дальше этой дороги не пойдут»⁵². Весной—летом 1918 г. китайцы состояли в Особом Маньчжурском отряде атамана Г.М. Семёнова. Но этот опыт оказался неудачным. Месяцы «непрерывных тяжёлых боёв измотали совершенно даже лучшие части отряда, не говоря уже о пехоте, укомплектованной китайцами. Участились беспорядки в полках и попытки уйти с оружием за границу настолько, что понадобилась организация специальной военно-полицейской команды для задержания дезертировавших китайцев и отобрания у них оружия»⁵³.

По сообщению газеты «Коммунар», в декабре 1918 г. на Верхотурском направлении в бою столкнулись красные и белые китайские части. После того как «белые» китайцы услышали родную речь, они без боя перешли на сторону красных⁵⁴. Но случались и обратные случаи. Командир красного бронепоезда «Коммунист» Я. Усатов, вспоминая о боях на линии Юзовка—Мариуполь в 1919 г., писал: «Начальник 8-й дивизии дал мне в прикрытие роту китайцев и от Махно небольшой отряд». После того как белые прорвали фронт, махновцы отошли к Мариуполу, бронепоезд оказался в окружении, а рота китайцев «убежала к белым»⁵⁵.

Китайцы приняли самое активное участие в российской Гражданской войне. Между тем правительство Китая выступало против, «рассматривая при этом всех китайцев, вставших под ружьё, как жертв тяжёлых обстоятельств или пропагандистской обработки»⁵⁶. Китайская делегация на Версальской мирной конференции во главе с министром иностранных дел Лу Чжэн-сяном выступила с протестом против мобилизации китайцев в ряды РККА и препятствия китайским гражданам в возвращении на родину⁵⁷. В ответ на это в ноябре 1919 г. в РСФСР прошли митинги, на которых китайские рабочие протестовали против такого демарша⁵⁸.

Очевидно, что стремление правительства Китайской республики не допустить участия своих граждан в боевых действиях в России объяснялось не только «идейно враждебным отношением к советской власти», но и стремлением «избежать роста антикитайских настроений у какой-либо части русского населения», так как «пропаганда белых охотно эксплуатировала тему “злого” китайца, получившего винтовку из рук большевиков»⁵⁹. В воспоминаниях и других источниках содержится немало примеров расправ над китайцами, которых белые воспринимали как одну из главных опор советской власти и пособников большевиков в проведении красного террора. Как сообщал в апреле 1918 г. уполномоченный китайского посольства, «в Области Войска Донского казаки и поныне арестовывают всех без исключения китайцев и отправляют их в ссылку, местонахождение которой нам неизвестно. Такой же режим установлен на территории занятой добровольцами»⁶⁰. Можно предположить, что под

⁵² Допрос А.В. Колчака. Л., 1925. С. 113—114.

⁵³ Семёнов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 151—152.

⁵⁴ Боевое содружество трудящихся... С. 149.

⁵⁵ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 157.

⁵⁶ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 90.

⁵⁷ Хейфец А.Н. Советская Россия... С. 365.

⁵⁸ Боевое содружество трудящихся... С. 203—204.

⁵⁹ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 91—92.

⁶⁰ Там же. С. 86.

предлогом «ссылки в неизвестное место» китайцы расстреливались. Харьковский отдел Союза китайских рабочих в телеграмме наркому иностранных дел Г.В. Чичерину сообщал о событиях февраля 1919 г.: «В Мелитополе бесчеловечно замучено белогвардейцами свыше полусотни китайцев, уроженцев провинций Хэбэй и Шандун», в том числе 11 женщин и 23 ребёнка⁶¹.

Но судьба далеко не всех китайцев, оказавшихся на территории, контролируемой белыми, или даже попавших к ним в плен, оказалась трагической. Об этом свидетельствуют обнаруженные в РГВА материалы о китайцах, пленённых на Восточном фронте. Они имеют особое значение — это первые документы такого рода в российской и китайской историографии. Благодаря им удалось проследить попытки китайских дипломатов спасти находившихся в тылу армий адмирала Колчака пленных соотечественников-красноармейцев.

Самый ранний по времени документ — письмо из Китайского республиканского консульства в Иркутске, направленное 24 апреля 1919 г. консулом Вэй Бо «господину уполномоченному чешско-словацкого правительства»⁶². К представителю чехословацких властей дипломат обратился в связи с тем, что на охране многих мест заключения в Сибири и на Дальнем Востоке были задействованы части Чехословацкого корпуса. Содержание обращения таково: «В г. Тюмени содержится около 350 человек китайских подданных, находящихся⁶³ в рядах “большевиков”. [М]ногие из них, вероятно, уже умерли от разных болезней, которые свирепствуют в переполненных местах заключения; весьма тяжелы условия существования оставшихся в живых. Китайское консульство долгом считает обратить внимание властей на то, что весьма многие из китайских подданных, хотя и взяты с оружием в руках, водворены были в ряды “большевиков” насильно, против их воли. Эти несчастные люди заслуживают полного снисхождения и облегчения их участи. За этих людей ходатайствует Китайское консульство и почтительнейше просит Вас, господин доктор, не отказать войти (по телеграфу) в сношение с властями в Тюмени о скорейшем освобождении китайских граждан... По имеющимся в консульстве сведениям, среди содержащихся в тюрьме есть много китайцев, которые совершенно не принимают участия в политическом движении в России и которые ни каким образом не могли добровольно очутиться в рядах “большевиков”. К Вам, господин доктор, обращается консульство и просит Вас не отказать, направить настоящее ходатайство по принадлежности, если содержащиеся китайские подданные не находятся в распоряжении чешских властей. Освобождённые из-под стражи китайские подданные могли бы быть переданы в распоряжение консульства».

Полученный от консула запрос чехословаки, по всей видимости, ввиду отсутствия у них заключённых-китайцев, переправили в российское Министерство иностранных дел. Оттуда он поступил военным властям. Главный начальник Тюменского военного округа на театре военных действий генерал-лейтенант В.В. Рычков 4 июля 1919 г. направил начальнику гарнизона Тюмени телеграмму, в которой сообщал: «Ввиду ходатайства, возбужденного Китайским республиканским консульством через Министерство иностранных дел об освобождении из Тюменской тюрьмы 350 китайских купцов и рабочих, слу-

⁶¹ Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 67.

⁶² РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 47—47 об. Вероятнее всего, письмо адресовано доктору Й. Благожу, уполномоченному чехословацкого командования в Иркутске. Имеющиеся на письме резолюция и подпись не позволяют точно определить адресата.

⁶³ Вероятно, следует читать: «находившихся».

живших у большевиков и взятых нами в плен, начальник мобилизационного отдела просит в ускоренном порядке произвести расследование об упомянутых китайцах. Ввиду этого приказываю предложить Тюменскому сортировочному пункту рассмотреть дела о китайцах-красноармейцах, взятых нами в плен с оружием в руках, как служивших в рядах Красной армии и содержащихся ныне в Тюмени-тюрьме... Расследование об упомянутых китайцах должны быть проведены самым обстоятельным образом в краткосрочный срок и представлены для рассмотрения»⁶⁴.

На протяжении лета—осени 1919 г. между тыловыми структурами велась активная переписка о возвращении китайских военнопленных. 23 июля начальник Центрального Тюменского регистрационного пункта «красно-пленных русских солдат» генерал-лейтенант В.А. Красильников сообщал начальнику гарнизона Тюмени, что «китайцев в лагере военнопленных красноармейцев содержится всего лишь 61 человек⁶⁵ и дела об них находятся в следственной комиссии при управляющем уезда». Начальник гарнизона Тюмени в свою очередь докладывал о состоянии дел главному начальнику Тюменского военного округа⁶⁶.

Из документов следует, что китайское консульство в Иркутске также вело прямую переписку с российскими военными властями о своих согражданах. Так, 25 июля Тюменская следственная комиссия сообщала генерал-лейтенанту В.А. Красильникову: «О военнопленных китайцах ведётся в настоящее время переписка с китайскими властями о возвращении их на родину. В связи с этим дело об упомянутых китайцах направлено управляющему губернией⁶⁷ согласно его требованию. Китайцы эти подлежат эвакуации». К этому же письму прилагался «именной список» китайцев, находившихся в заключении⁶⁸.

Дальнейшая переписка свидетельствует, с одной стороны, о готовности российских властей передать китайских граждан консульству, с другой — об их эвакуации из Тюмени в неизвестном направлении на восток. Начальник штаба Тылового округа Восточного фронта Генерального штаба подполковник Иванов в телеграмме от 19 августа на имя начальника Общего отделения Главного начальника снабжений запрашивал: «Прошу спешно сообщить, не известно ли Вам куда эвакуированы китайцы-красноармейцы, содержавшиеся [в] Тюменском лагере». Из Омска последовал лаконичный ответ временно исполняющего должность начальника канцелярии Главного начальника снабжения Восточного фронта полковника Галлера: «Неизвестно». Спустя почти месяц — 15 сентября — Иванов запрашивал ставшего к тому времени председателем Комиссии по распределению категорий красно-пленных Красильникова: «Ввиду поступившего ходатайства Китайского правительства [о] выдаче 60 китайцев содержавшихся [в] Тюменском лагере прошу сообщить, остались ли эти китайцы [в] Тюмени или эвакуированы[. В] последнем случае куда именно». В сен-

⁶⁴ РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 15 об.

⁶⁵ Судьба остальных 289 китайцев (если их действительно было столько), скорее всего, трагична. Тяжёлые условия заключения вели к высокой смертности. Так, главный начальник Уральского горного края С.С. Постников писал об эпидемии в Ирбите: «Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за неделю 178 из 1 600. Здоровые питаются по 90 копеек в сутки, немытые, на голом полу. По-видимому, все они обречены на вымирание, а зараза на весь город» (*Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914—1922 гг.). М., 2014. С. 298).

⁶⁶ РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 15.

⁶⁷ По всей видимости, им в это время являлся В.Н. Пигнатти.

⁶⁸ РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 15.

тябре Красильников внёс некоторую ясность, сообщив, что «китайцы должны быть эвакуированы в Нерчинские каторжные тюрьмы вместе с м[адья]рами и красноармейцами, но отправлены ли они — мне не известно, так как вверенная мне комиссия эвакуировалась из гор[ода] Тюмени раньше их отправки [в] Павлодар, но новое распоряжение было получено [в] Омске. Подробнее и точнее может указать тюменский воинский начальник, находящийся в настоящее время в гор[оде] Красноярске»⁶⁹.

Договоренности между российскими и китайскими властями по возвращению китайцев домой становятся более ясными из письма, направленного 20 сентября 1919 г. четвёртым политическим отделом Министерства иностранных дел Всероссийского правительства третьему генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем генерал-майору А.Т. Антоновичу: «В дополнение к отношению от 16 августа и 15 сентября с.г. ... на имя начальника мобилизационного отдела, имею честь препроводить Вашему Превосходительству копию соглашения с китайскими властями, выработанного консульством в Цицикаре относительно передачи китайским властям выдворяемых из России военнопленных китайцев. Министерство иностранных дел с своей стороны не имеет возражений против означенного соглашения. Сообщая о вышеизложенном, прошу Ваше Превосходительство не отказать в распоряжениях об ускорении ответа о сроке отправки названных китайцев и приблизительном дне их прибытия на ст[анцию] Маньчжурия для предупреждения о том посланника в Пекине и консула в Цицикаре»⁷⁰. Но в условиях стремительного ухудшения военно-политической обстановки возможности военного командования заниматься судьбами пленных резко сокращались⁷¹, а задача их эвакуации теряла приоритет.

Из архивных документов явствует, что обе стороны переговоров планировали возвращение китайцев домой, не имея точных сведений об их местоположении. В «Копии китайского проекта передачи задержанных китайцев и отправки их по назначению»⁷² изложен такой план действий: «1. Все китайцы передаются русскими властями в присутствии представителей от российского консульства в Цицикаре и управления комиссара по дипломатическим делам Хэйлунцзянской провинции на ст[анции] Маньчжурия китайским властям. Вышеназванные представители сопровождают этих китайцев для наблюдения до конечной станции КВЖД в Маньчжурии. 2. Российское консульство телеграфирует в лагерь, где содержатся эти китайцы, о назначении срока, в который эти китайцы должны быть доставлены на станции Маньчжурия, о каком сроке лагерь должен уведомить, дабы представители обеих сторон могли прибыть для присутствия при передаче, дабы избежать задержки. 3. Приняв этих китайцев, китайские власти выясняют места приписки каждого из них по отдельности. Все, кто родом из Внутреннего Китая, препровождаются до Чаньчуна, откуда рассылаются по местам. Желаящим вернуться на родину или выехать в Мукденскую провинцию на заработки не должно чиниться препятствия, но при этом установить годичный срок, в течение которого они не могут выезжать в пределы России. Если среди этих китайцев окажутся жители Гиринской и Хэйлуцзянской провинций, то таковым неудобно делать запрещений о невыезде на их родину на заработки, т[ак] к[ак] являются опасения,

⁶⁹ Там же, л. 1—15 об.

⁷⁰ Там же. Л. 18.

⁷¹ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции... С. 305.

⁷² РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 19.

что они примкнут к хунхузам, а потому предполагается отдать лиц Гиринской и Хейлуцзянской провинций под надзор подлежащих местных властей». Стоит отметить, что автор проекта был не в курсе, что удалось найти только 61 человека. В документе всё ещё упоминается, что «всего подлежит передаче 350 человек. Для перевозки их от станции Маньчжурия до Чанчуна необходимо, чтобы российское консульство просило от управления КВЖД назначения заблаговременно 35 вагонов». Также был затребован список китайцев и высказано пожелание наличия их фотографий.

В связи с отсутствием более поздних по времени документов судьбу китайцев уточнить не удалось. Возможно, в ходе начавшегося вскоре отступления белых войск они пропали при эвакуации (расстреляны или погибли в ходе боевых действий) или же были освобождены частями Красной армии.

Проанализировав архивные документы, можно сделать ряд выводов, позволяющих соотнести историю пленных китайцев в России с событиями, разворачивавшимися в самом Китае.

Во-первых, в письме консульства содержится фраза, что «весьма многие из китайских подданных, хотя и взяты с оружием в руках, водворены были в ряды “большевиков” насильно, против их воли». Однако известно, что в большинстве своем китайские рабочие шли служить в Красную армию добровольно. Очевидно, что такая формулировка в письме консула была лишь предлогом для того, чтобы просить освобождения пленных и снятия с них обвинений о службе в РККА.

Во-вторых, приведённая переписка позволяет охарактеризовать действия Бэйянского правительства. Оно пассивно относилось к вопросу эвакуации китайских рабочих. Чиновники в китайских посольстве и консульствах рассматривали подобные обращения своих граждан формально. Вместо помощи последние получали отписки. Лишь в 1918 г. во Владивосток были направлены два крейсера для «охраны китайских граждан в России», но на них вернулись менее 3 тыс. человек. Самая масштабная эвакуация осуществилась благодаря не китайским властям, а Союзу китайских рабочих в России. Официальный Пекин не признал власти Совета народных комиссаров РСФСР и отозвал своего дипломатического представителя из Петрограда. Почему же китайское консульство в Иркутске в 1919 г. всё же обратило внимание на судьбу соотечественников?

С одной стороны, есть основание предполагать, что активная позиция в отношении бывших красноармейцев была связана с личностью консула. Несмотря на то что известно о нём очень мало, удалось выяснить, что Вэй Бо до назначения являлся чиновником китайского МИД и получил юридическое образование в Петербурге. Его перу принадлежит книга «Русские в Китае и китайцы в России». Согласно архивным данным, предыдущим консулом в Иркутске был Гуань Шан-пин. Российский посланник в Пекине оценивал его невысоко: «Владеет русским языком в слабой степени... Он производил впечатление человека, не особенно далекого и плохо разбиравшегося в вопросах»⁷³. Вэй Бо оказался лучше подготовлен для этой должности. Консульство вело активную деятельность и оказалось для РСФСР едва ли не единственным «окном в Китай»; через него Москва искала выходы на Пекин. В частности, Сибирская миссия НКВД в письме к Вэй Бо предложила начать переговоры между двумя странами о пересмотре старых русско-китайских торговых договоров.

⁷³ Дацишен В.Г. Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений // Общество и государство в Китае. 2012. № 7. С. 155.

С первых дней после установления в Иркутске советской власти местный консул активно защищал интересы китайского населения, пострадавшего от политики военного коммунизма. При этом он касался и общих вопросов двусторонних отношений. Иркутский военно-революционный комитет уже в феврале 1920 г. получил от него такое письмо: «Консульство пребывает в уверенности, что настоящее ходатайство будет в кратчайший срок рассмотрено и удовлетворено, ибо, по глубокому убеждению консульства, разорение китайских граждан не есть намерение власти, по-видимому, стремящейся к сохранению дружественных отношений к китайскому народу»⁷⁴.

С другой стороны, остаётся до конца неясным, выдвинул Вэй Бо требования об освобождении китайских военнопленных по собственной инициативе или же с учётом распоряжения вышестоящих органов. Просьба консульства могла быть вызвана тем, что Китай, выступивший в Первой мировой войне на стороне Антанты, стремился не допустить, чтобы в руках белых оставались доказательства того, что китайцы сражались на стороне большевиков, подписавших с Германией сепаратный мир. В то же время просьба освободить китайцев из тюрьмы в Тюмени была выдвинута в конце апреля 1919 г., поэтому можно предположить, что её причиной стал патриотический подъём в Китае после окончания мировой войны. Китайцы надеялись, что участие в войне на стороне Антанты приведёт к решению союзников о непризнании территориальных захватов Японии в провинции Шаньдун. Рассчитывали они и на отмену подписанного в 1915 г. соглашения с Японией, составленного на основе «Двадцати одного требования» и ставшего кабальным для Китая. Но уже 30 апреля 1919 г. стало известно, что Парижская конференция отклонила все требования китайской делегации. В ответ на эти решения в Китае развернулась мощная борьба, вошедшая в историю как «Движение 4 мая». Под влиянием этих выступлений в июле 1919 г. представитель китайской делегации в Париже Веллингтон Ку отказался подписывать мирный договор. Таким образом, события в Китае и Франции позволяют предположить, что Вэй Бо выдвинул требования об освобождении китайских военнопленных по распоряжению вышестоящего начальства.

Эпизод с судьбой китайских военнопленных в белом тылу — лишь одна из многих драм, разыгравшихся во второй половине 1919 г. на Восточном фронте Гражданской войны. Вместе с тем обнаруженные документы позволяют сделать вывод, что не все китайцы-красноармейцы, попадавшие в плен к белым, подлежали обязательному расстрелу. Важной представляется и сама попытка китайского консульства позаботиться о соотечественниках, оказавшихся в плену.

Подводя итог, отметим, что участие интернационалистов в Гражданской войне стало одним из факторов, позволивших советской власти одержать в ней победу. Очевидно, что в междоусобном противостоянии два главных его участника — и большевики и белые — стремились использовать для победы иностранную военную силу. В то время как в 1918 г. на окраинах страны высаживались первые экспедиционные силы интервентов (союзников России по Антанте), активно поддерживавших белые правительства, советская власть действовала в своих целях иностранцев внутри страны — находящихся в заключении пленных Первой мировой и многочисленных наёмных рабочих. Включение их в состав полков РККА, а затем и формирование из них отдельных воинских частей приобрело немалый размах. Конечно, его не стоит преувеличивать, но и игнорировать его роль в победах Красной армии также нельзя.

⁷⁴ Там же. С. 154—155.